Да, господа-товарищи, без самогона нам нельзя. Не только по своему опыту знаю: друг мой, Полковником зовут, тоже так считает. Мне, говорит, без самогона и воздух не мил. Дышать то есть неохота. Мужик — кремень! Принципиальный ужасно! Жена пыталась как-то вякнуть, так он её враз на две бутылки сменял. Теперь один воздухом наслаждается.

Так вот, о самогоне. Решил я под Новый год запас его увеличить. Всё-таки праздник намечается. То Дед Мороз, то Снегурочка — кто-нибудь да забредёт. И всех угощать надо.

На работе с бригадиром договорился быстро — он мой самогон не раз пробовал. «Ты,— говорит,— Дмитрич, вали потихоньку, а я, если спросят, скажу, что в туалете сидишь. Или в соседнюю бригаду командирован: строительство капитализма осваивать». В общем, всё как учили.

Сиганул я через забор, ножками по снегу потопал — и на своей кухне аппарат настраиваю.

Ох, братцы, хорошо-то как! Варево в бидоне кипит, из змеевика в банку капает — а я сижу, как граф Монте-Кристо, и первачок пробую. Ну как тут себе не позавидовать?!

Вдруг слышу: звонок в дверях звенит. Один раз, второй... Кого, думаю, нелёгкая принесла? Жена нервы в санатории лечит, да у неё и ключ есть. Может, сосед пожаловал? Он мой самогон тоже одобряет. Объяснял как-то, что человек пьёт один раз — первый, а потом только опохмеляется. Умный, зараза! Но я ему дверь не открою: в банку и для меня мало накапало.

Перестали звонить: ушёл, наверное. Ладно, вечером угощу. Как говорится, всякому овощу своё время. Или свою воду — не помню правильно. Да и зачем об этом думать, когда первачка стаканчик дёрнул, салом закусил — и ты в раю? Хоть с Богом целуйся, если захочешь.

Сижу на кухне, балдею — и кажется мне, что в гостиной кто-то ходит. Зелёные чёртики приползли, что ли? Так им ещё рано появляться: я до такой дозы не наполнился.

Поднимаюсь и иду с проверкой. Захожу тихонько: мамочки мои! Стоит возле шкафа какая-то баба и в мой чемодан Варькино барахло складывает. Откуда взялась, думаю? Может, алиментами кто обидел, так решила натурой взыскать?

— Слышь, мадама,— говорю.— Ты квартирой, наверно, ошиблась: это сосед у меня бабник, а я по другой части.

Баба вздрогнула, обернулась, подскочила ко мне — и хрясть кулаком в морду: я на пол и свалился. Лежу, словно веник, а обида гложет: в моём доме меня же и бьют — какая-то посторонняя баба. Встаю, а хулиганка ногой между ног норовит стукнуть. «Что ж ты,— кричу,— делаешь, подлая?! У меня на том месте потом ничего не вырастет!»

Хватаю бабу за сапог и в сторону отбрасываю. А затем, не сдержавшись, кулаком по кумполу добавляю — по-пролетарски. Чтоб знала, рыбья вошь, кто в хате гегемон и хозяин. А парень я здоровый: гляжу, баба глаза закатила, на пол шмякнулась и притихла.

Тут я, конечно, перепугался: вдруг копыта отбросила? «Вставайте,— говорю,— гражданка, вам домой пора». И за нос её дёргаю. А она лежит, не шелохнётся.

Бегу к соседу: звони, говорю, в скорую и милицию — я нечаянно какую-то бабу угрохал. Сосед рад стараться: позвонил и ещё от себя прибавил, что я еле на ногах стою и на трезвого не похож. А я, может, от горя такой.

Через полчаса народу в мою квартиру набилось — больше, чем на партсобрание. Докторша бабу в чувство приводит — та всё-таки живой оказалась, участковый протокол за самогон составляет, а опера хитрые вопросики задают: где я эту бабу поймал и что с ней успел сделать? И намекают, что придётся мне за побои и изнасилование Новый год в тюрьме встретить. Совсем забодали, как вдруг докторша говорит: «Послушайте, это не женщина, а мужчина». Милиционеры засмеялись, не поверили, а потом кое-куда посмотрели и рот от изумления открыли. А тут бывшая баба в сознание пришла и начала речь толкать, да с такими словами, что и мне стыдно стало.

Вскоре уехали все и воровку с собой забрали. И аппарат с самогонкой тоже прихватили — для анализа.

А через месяц вызывают меня к начальнику милиции. Испугался я: вдруг узнали, что я новый аппарат соорудил? Прихожу, а меня почти по-родственному встречают: «Спасибо,— говорит,— товарищ Иванов, за поимку опасного преступника. Он за последний год, в женщину переодеваясь, семь квартир ограбил». А мне что: я всегда рад преступников ловить — нечего им на мой самогон милицию наводить! Но об этом я начальнику говорить не стал: лишь поулыбался да ручку пожал. И домой пошёл, когда отпустили: там на плите как раз самогон доваривался.

25 декабря 1994